

## Факторы и динамика этнополитического конфликта

**В**озможности каких-либо сообществ или институтов контролировать или управлять факторами этнополитических конфликтов зависят как от объективных факторов, так и от характеристик самих сообществ и институтов. В этом смысле имеются следующие градации возможностей для определенной стороны, стремящейся контролировать конфликтную ситуацию:

1. Фактор имеет объективный характер и сам по себе не зависит от чьей-либо воли (например, в регионе конфликта объективно существуют интересы иностранных держав, обусловленные их геополитическим положением). В этом случае степень контроля зависит от умения данной стороны вычислить фактор, подготовиться к его воздействию и смягчить его негативный эффект.

2. Фактор отражает внутренние характеристики одной из сторон конфликта или ее союзников, например, претензии на мессианскую роль в регионе конфликта. Ясно, что источники таких претензий лежат вне досягаемости другой стороны, так что здесь действует правило, выведенное для первого случая.

3. Фактор отражает внутренние характеристики той самой стороны, которая должна осуществить контроль, а также ее союзников. В таком варианте все зависит от самокритичности данной стороны, ее способности взглянуть на саму себя объективно, пойти на необходимые изменения в своей собственной структуре, идеологии и политике.

4. Фактор вполне доступен воздействию и все зависит от технологии политических действий, т.е. навыков и умения компетентно рассчитывать баланс сил и контролировать ситуацию.

Если факторные группы представлены достаточно полно, то методика их оценки заключается в расчете ресурсов и политик, которые могут быть использованы для подавления действия конкретного фактора в сторону его интенсификации и стимулирования, в сторону снижения конфликтности. Однако, как показывает действительность, различия между позициями эксперта-аналитика и лица, принимающего политические решения, зачастую препятствуют реализации подобных методик. Когда данные о ресурсах и готовности сторон конфликта идти на определенные их затраты не детализированы, лица, принимающие политические решения, стремятся оценить факторные группы с точки зрения идеологической целесообразности их регулирования. Поэтому на практике все часто сводится к требованию идеологически выгодного объяснения ситуации. Если многие факты относительно действующих причин этнополитической ситуации остаются за рамками открытого анализа и научно значимого рационального обсуждения, возникает опасность использования двойных стандартов оценки или требований "групповой" солидарности.

Ситуационные причины этнополитических конфликтов складываются из ряда факторов, роль которых в развитии конфликтов может быть разнонаправленной в зависимости от ряда обстоятельств (поэтому они и относятся к классу "ситуационных"). На примере российско-чеченского вооруженного конфликта мы выделяем следующие факторные группы:

1. Историческое наследие отношений между государственными образованиями, этносами в регионе конфликта: колонизация Кавказа Российской империей, события в регионе, вызванные революционными кризисами в царской России (1905—1907 гг., 1917 г.), гражданской войной (1918—1921 гг.), распадом Горской республики (1922 г.), государственным и административным строительством (30-е годы), репрессиями сталинского режима (40-е годы).

2. Внешнеполитические факторы в регионе конфликта: влияние интересов Турции и Ирана на Северном Кавказе.

3. Военно-стратегические: способность Вооруженных Сил Российской Федерации контролировать военную ситуацию на Кавказе в целом и в регионе конфликта, в частности.

4. Этнические: характер этнической стратификации в Чечне.

5. Экономические: распределение производственных ресурсов между этносами в регионе и воздействие общего экономического кризиса в Российской Федерации.

6. Внутриполитические: группировки власти и оппозиции в Чечне.

7. Поведенческие факторы-характеристики сторон конфликта: политическая культура, установки, характерные приемы политического поведения.

8. Информационные: отсутствие полной и однозначной информации о намерениях сторон конфликта.

Подобные восемь групп факторов обнаруживаются при сравнительном анализе конфликтов: Молдова — Приднестровье, Украина — Крым, Грузия — Южная Осетия, Грузия — Абхазия, Северная Осетия — Ингушетия. Среди ситуационных факторов наиболее мощными являются исторические и территориальные: они эффективно используются для дальнейшей интенсификации конфликта. Далее следуют хозяйственные параметры кризиса: характер размещения основных производств, баланс вывоза-ввоза продукции; резкая стратификация доходов между различными группами населения и т.п.

Факторы имеют различную интенсивность в зависимости от динамики конфликтной ситуации. Согласно распространенной в международной политической науке версии, любой относительно крупный внутренний политический конфликт с участием нескольких сторон проходит три основные фазы:

1. Формирование конфликта (так называемая формальная фаза, когда участвующие стороны осуществляют формирование своей социальной базы, отрабатывают идеологические приемы, выдвигают свои требования на почве узаконенных норм и структур);

2. Развитие конфликта (так называемая фаза обострения, когда стороны переходят к воинственной тактике, открыто переходя границы узаконенных норм и структур);

3. Реализация конфликта (так называемая военная фаза, когда стороны прибегают к длительному вооруженному столкновению).

Так, этнополитический конфликт в Чечне последовательно прошел первые две фазы и затем зашкалил за черту третьей. Период первой фазы можно обозначить с 1 января 1991 по 15 августа 1991 г., период второй — 16 августа 1991 по 1 октября 1991 г. Затем последовал трехлетний "странный период" неопределенности, завершившийся развязыванием в 1995 г. полномасштабной локальной войны.

Сравнительный анализ динамики этнополитических конфликтов на территории бывших республик СССР (России, Молдовы, Грузии, Таджикистана) показывает, что эти конфликты имеют длительный характер и обнаруживают тенденцию к "синусоидным" колебаниям-

ми — от обострения к спаду и затем вновь к обострению. Здесь нет "классического" завершения, т.е. закономерного перехода к тем завершающим стадиям умиротворения, которые, как правило, следуют за фазой реализации конфликта, а именно:

4. Постреализационная фаза (восстановление порядка, существовавшего до второй фазы включительно);

5. Постформальная фаза (переход к переговорам и дискуссиям по проблемам обеспечения безопасности в регионе конфликта);

6. Разрешение конфликта (устранение причин, приведших к вооруженным столкновениям).

Такой вид динамики, по всей видимости, обусловлен не ситуационными, а системными причинами, к которым относятся факторы, определяющие состояние дисбаланса социально-политической системы в целом, а именно — тип политического режима и тип экономики. В этом смысле системные факторы являются решающими по отношению к ситуационным, независимо от того, осознается ли эта связь участниками конфликта в каких-либо рационализированных формах.

В странах с серьезными социальными и экономическими проблемами, с тяжелым наследием авторитарных режимов источником нестабильности является тот тип политического режима, который Г.О'Доннелл (известный аргентинский политолог) называет "делегативной демократией"<sup>1</sup>, а мы определяем, как "плебисцитарную демократию"<sup>2</sup>. Системный кризис общества, унаследованный от авторитарного режима, создает экстремальную ситуацию, которая является благодатной почвой для "делегативных" тенденций. Как показывает Х.Линц (политолог, обладающий международной известностью благодаря своим исследованиям авторитарных систем), институциональные порядки президентских режимов способствуют дестабилизационным тенденциям, главным образом, из-за их двойной легитимности и болезни нестабильности<sup>3</sup>. Сравнительный анализ институциональных структур переходного периода приводит Х.Линца к убеждению в том, что стиль руководства, взаимоотношения между президентом, политической элитой и обществом в целом, осуществление власти и способы разрешения конфликтов в подобных системах неизбежно ведут к обострению отношений в обществе и его дальнейшей поляризации.

Институт плебисцитарного президентства, который создает свои собственные структуры — массовую "партию" поддержки, инсти-

---

<sup>1</sup> См. *О'Доннелл. Делегативная демократия // Пределы власти* М., 1994 Вып. 2—3. С. 52—70

<sup>2</sup> См. - *Ожиганов Э.Н. Баланс власти и этнополитические конфликты в России // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 275—298.*

<sup>3</sup> *Линц Х. Опасности президентства // Пределы власти. С. 3—25.*

тут уполномоченных президента, юридическое обоснование господства исполнительной власти над законодательной, систему плебисцитных выборов исполнительных органов, систему новой номенклатуры и др. — начал формироваться в большинстве республик бывшего СССР с 1991 г. Несмотря на то, что все бывшие республики СССР исторически являются мультиэтническими обществами, здесь возобладали миф о необходимости построения "этносо—нации", который оправдывает ограничения прав личности во имя моноэтнического национального государства. Такой тип государства строится на основе этнонационалистической концепции, согласно которой государство создается одним, доминирующим на данной территории, наиболее многочисленным, "историческим", "культурным" и т.п., этносом. Права других этнических групп могут формально признаваться, но, тем не менее, эти этнические группы рассматриваются как "гости", по отношению к которым "государственный" этнос может вести толерантную политику только при условии выполнения ряда его требований. Данная концепция в явной или скрытой форме воплощается в законодательстве и административной практике, решающим образом определяя атмосферу каждодневной жизни индивидов, принадлежащих к различным этническим группам, даже если формально им предоставляется право гражданства. В силу такого подхода, эти "негосударственные" этносы ставятся в положение "подозреваемых", вынужденных постоянно доказывать свою "лояльность".

Давление института плебисцитарного президентства резко усиливает напряженность в отношениях так называемых титульных наций с этносами, не имеющими своих государственных формирований. Примеры вооруженных конфликтов в Молдавии, Грузии, Чечне, Таджикистане в этом отношении можно считать хрестоматийными.

Вместе с тем в бывших республиках СССР в течение 1991—1995 гг. произошел отход от системы прямого государственного регулирования, но не к рыночной экономике, а к системе патронажного регулирования. Патронажное регулирование означает, что определенные государственные структуры, отказавшиеся в результате реформ от прямого директивного регулирования, сохранили за собой право решать, какие отрасли промышленности, монополии и регионы считать приоритетными и имеющими право на льготы. Чем глубже кризис, тем большее значение в экономике и обществе приобретают отношения патрона-государства и его клиентов.

Наш сравнительный анализ этнополитических конфликтов в Прибалтике, Молдове, Крыму, Абхазии, Южной Осетии, Ингушетии, Чечне, Казахстане показывает, что односторонние концепции возникновения и динамики такого типа конфликтов попросту не работают, если не иметь в виду их идеологическое применение.

Конфликтогенные факторы образуют сложную сеть отношений, создающую новые системные свойства, которые невозможно проанализировать в свете односторонних причинных связей. Решение проблемы может быть найдено в рамках анализа множественной причинности.

Известный парадокс ситуации, с точки зрения возможности установления контроля за конфликтогенными факторами, состоит в том, что в течение пяти лет (1991—1995 гг.) системные причины этнополитических конфликтов, по-видимому, вообще лежали вне сферы рациональной рефлексии, в то время как ситуативные причины не рассматривались на уровне и в терминах стратегического планирования. Этим отчасти обусловлены явные стратегические и тактические провалы, и затяжной характер, который принимают подобные конфликты.

Сегодня цепь кровавых локальных войн и потенциально опасных конфликтов меньшей интенсивности тянется от Балкан к Молдавии и Приднестровью, оттуда через Южную Украину и Крым к Абхазии и Южной Осетии, через республики Северного Кавказа к Ингушетии и Чечне, и далее — к странам бассейна Каспийского моря. Спад и рост кривой напряжения по всей этой цепи и на отдельных ее участках коррелирует с динамикой кризисных ситуаций, которые регулярно и с определенной ритмичностью возникают в хозяйственной и политической жизни России последних десяти лет. Каждый кризисный цикл составляет приблизительно два года.

1985 г. — начало горбачевской "перестройки". В 1987 г. — стало очевидным, что все выдвигавшиеся экономические и социальные программы оказались блефом и полностью провалились. 1989 г. — в союзных республиках началось формирование этнических народных фронтов и возникли первые по-настоящему серьезные трения с центральной властью. 1991 г. — августовский путч и последовавший за ним развал политической системы СССР. 1993 г. — октябрьский кризис, расстрел Верховного Совета РФ и разгон Советов по всей России. 1995 г. — Чеченская война как показатель глубокого кризиса всей социально-политической системы. Добавив следующие два года, получим дату "1997". Разрушительная энергия таких колебаний использует принцип маятника — от системного конфликта к относительной стабилизации, и затем снова к росту напряженности. Вопрос в том, сколько раз этот цикл успеет пройти по социально-политической системе Российской Федерации.

*Вопрос из зала:* Нет ли у Вас ощущения, что в России все большее значение будут иметь регионы, республики? Они нам дают Примеры большей демократии, чем в центре. Не будут ли они

каким-то стимулом для того, чтобы Россия шла вперед все-таки с меньшими потерями?

*Ответ:* Да, это так. Если мы возьмем историю Египта, то почему Египет тысячелетия существовал более или менее нормально? Потому что не было внешнего давления. А когда какие-то внешние процессы вторглись, то система сразу осела. Так вот "гиксосов" сейчас очень много. От Прибалтики до Таджикистана и далее мы обнаружим цепь этнополитических конфликтов, это не просто отдельные конфликты — они выстраиваются в определенную "цепь". Изменение напряжения в этой "цепи" в известной мере регулируется. Вероятно есть авторы, которые регулируют это движение. Как сброс, так и сбор энергии действуют на нарушение баланса. Исторически Россия — страна, которая терпела очень многое, но как показывает практика, не терпит внешнего сжатия. Сейчас же полным ходом идет процесс внешнего сжатия России.

*Реплика:* Вы нарисовали совершенно ясную картину и делаете правильный вывод. Я хочу сказать, что надежда на то, что Россию спасет регионализация, абсолютно исключается. Это миф, что в регионах демократы пришли к власти и как будто "разрушают все". Никакие демократы никогда не приходили к власти. Как был в регионах партхозактив, старые кадры, гвардейцы КПСС, так они там и остались. Все первые секретари переименовались в президентов, бюро обкомов партии сегодня называются по-другому. Поэтому, если произойдет, как сказал Э.Н.Ожиганов, "обрезание", то регионы превратятся в некие удельные княжества с абсолютной монархией.